

Василий Васильевский

**Политическая реформа и
социальное движение в
древней Греции в период ее
упадка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В19

В19 **Василий Васильевский**
Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее
упадка / Василий Васильевский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 333 с.

ISBN 978-5-518-07934-2

ISBN 978-5-518-07934-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ВЪ ПЕРИОДЪ ЕЯ УПАДКА.

I.

Введение. — Начало обособленія въ древней Греціи, его выгоды и невыгоды. — Противоположное стремленіе: симмахія, симполитія, федерація. — Соціальный вопросъ. — Вѣдствія въ эпоху діадховъ. — Аѣны. — Этолія. — Ахаія. — Источники для исторіи Ахэйскаго періода.

И внутренняя исторія Греціи, точно такъ какъ внѣшняя, не кончается съ потерю греческой самостоятельности вслѣдствіе подчиненія собственной Эллады полу-эллинской Македоніи. Вопросы и задачи, которые остались неразрѣшенными въ до-македонское время, перешли всецѣло въ слѣдующіе періоды. Греція Перикла и Фукидида не воскресла болѣе; но и Греція временъ Арага и Поливіа сохранила и нашла въ себѣ достаточно живыхъ силъ, чтобы сдѣлать новыя попытки къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ политической и общественной жизни. По крайней мѣрѣ въ одномъ направленіи сдѣланъ былъ при этомъ даже рѣшительный шагъ впередъ, доказывающій, что развитіе греческой политической мысли еще не кончилось. Шагъ впередъ сдѣланъ въ рѣшеніи вопроса о политическомъ устройствѣ Греціи; но и попытка разрѣшить соціальный вопросъ, хотя она и не можетъ быть названа счастливою и разумною, все таки обличаетъ возможность появленія сильныхъ и энергическихъ характеровъ среди того народа, который не въ одной книгѣ представленъ вполне умершимъ вмѣстѣ съ Димосееномъ или Александромъ Македонскимъ. Во всякомъ случаѣ объ попыткѣ на столько интересны и поучительны, что заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія.

Постараемся предварительно опредѣлить основные вопросы и задачи греческаго развитія.

Преобладающая форма политическаго устройства въ древней Греціи есть вольная городская община, или, занимая терминъ изъ са-

мого греческаго языка, политія. Совершенная независимость каждаго отдѣльнаго города съ его небольшою областью есть главная черта такого устройства. Если бы мы захотѣли вообразить себѣ политическое состояніе Эллады въ цѣлѣтущій періодъ ея жизни, то намъ представилась бы маленькая страна, усѣпанная множествомъ городовъ изъ коихъ каждый не знаетъ или не желалъ бы знать никого выше себя на землѣ и пользуется всѣми правами верховности въ такой же степени, какъ самыя могущественныя имперіи нашего времени. На пространствѣ несравненно меньшемъ каждой изъ нашихъ губерній, среди народа одной крови, одного языка, одной религіи, мы могли бы встрѣтить въ небольшое однодневное путешествіе нѣсколько независимыхъ государствъ, изъ коихъ каждое заключаетъ миръ и рѣшаетъ войну на полной своей волѣ. Взаимныя отношенія между ними опредѣляются положеніями и началами международного права ¹⁾. Существуетъ, конечно, между обитателями этихъ государствъ сознаніе общихъ связей, нѣкотораго рода обще-эллинское патріотическое чувство; но оно, можетъ-быть, всего скорѣе соотвѣтствуетъ тому сознанію и чувству, которое питаетъ или долженъ питать житель новой Европы къ великому братству христіанскихъ европейскихъ народовъ и едва-ли можетъ быть сравниваемо съ національнымъ патріотизмомъ Русскаго въ отношеніи къ Россіи, Француза въ отношеніи къ Франціи ²⁾.

Если иногда тамъ или здѣсь встрѣчаются уклоненія отъ описаннаго нами порядка и устройства, то этотъ порядокъ все-таки остается постоянною цѣлю желаній и стремленій Грека. Представители эллинской политической мысли, великіе философы IV-го столѣтія не знаютъ другаго идеала политической жизни, кромѣ городской республиканской общины. Государство состоитъ для нихъ только въ томъ легко обозримомъ пространствѣ, съ котораго жители могутъ сойдтись въ одно собраніе на площади одного города. Правильное государство можетъ существовать только въ границахъ, допускающихъ прямое и личное участіе каждаго гражданина въ дѣлахъ общественныхъ. „Слишкомъ большая масса народа занутиваетъ государство и не допускаетъ настоящаго благоустройства. Только ограниченная величина условливаетъ красоту и поэтому изящно-соразмѣрное государство. Судно въ двѣ стадіи длины — уже не корабль. Пужно только, чтобы госу-

¹⁾ Κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα, κοινὸ νόμος, κοινὰ δίκαια τῆς Ἑλλάδος см. Schömann Gr. Alterth. II, стр. 2 и д.

²⁾ Известно, что Греки спомыт. отечествомъ — πατρίς — называлъ не всю Грецію, а только свою родину, свое маленькое государство.

дарство могло довольствоваться самимъ собою, то-есть, нужно такое пространство земли, которое бы производило все потребное для жителей, нужно только такое число гражданъ, чтобъ они все необходимое для жизни могли добывать своимъ трудомъ и дѣятельностію. Имѣя слишкомъ мало жителей, государство не можетъ удовлетворять самому себѣ, съ слишкомъ большимъ числомъ ихъ — это будетъ уже народъ, а не государство. Впрочемъ, имѣя тысячу человекъ войска, государство уже можетъ быть самымъ сильнымъ во всей Греціи. Оно должно быть легко обозримо. Граждане должны знать другъ друга, чтобъ судить одинъ другаго, чтобъ избирать чиновниковъ и чтобъ въ случаѣ нужды воспрепятствовать, если какой иностранецъ захочетъ пробраться въ число гражданъ¹⁾.

Начало политическаго обособленія, преобладавшее въ Греціи, принесло ей свои выгоды; но оно же заключало въ себѣ и большія неудобства; и трудно сказать, которая сторона перевѣшиваетъ — та ли, на которой добро, или та, на которой зло.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря возможности самостоятельнаго развитія для каждой мелкой части своей національности, Греки сдѣлались первыми представителями европейской свободы въ противоположность азіатскому деспотизму. Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда объясняется безконечное богатство и разнообразіе греческой жизни. Великія выгоды, протекавшія изъ греческой политической системы для личнаго, индивидуальнаго развитія, очевидны на первый взглядъ и объяснены знаменитыми историками и мыслителями. Каждый отдѣльный гражданинъ греческой республики былъ развитъ и политически воспитанъ до высшей возможной степени. Всѣ обвиненія, напримѣръ, противъ аѳинской демократіи падаютъ передъ тою неопровержимою истиною, что аѳинская демократія дѣлала гораздо большее число гражданъ способными пользоваться властію, чѣмъ какая бы то ни было другая система. Постоянно присутствуя при обсужденіи вопросовъ ипостранной политики и внутреннего управленія величайшими ораторами, какихъ только видѣлъ міръ, граждане Аѳинской республики получали политическое воспитаніе, которому нельзя найдти равнаго въ исторіи человечества²⁾. Никакое новое большое госу-

¹⁾ Aristot. Polit. VII (IV по новому порядку) 4, 5. Plato de republ. II, p. 369. IV p. 423.

²⁾ Чрезвычайно странно встрѣтить у такого писателя, какъ Токвилль, подобныя слова: Quand je compare les républiques grecque et romaine à ces républiques d'Amérique; les bibliothèques manuscrites des premières et leur populace

дарство не можетъ никогда привлечь къ прямому и постоянному участию въ высшей политической жизни всѣхъ своихъ жителей; оно лишено поэтому самаго могучаго средства для умственнаго и нравственнаго развитія народной массы. Въ Аѳинахъ, въ другихъ демократическихкихъ государствахъ Греціи, это было возможно; средство было доступно. Не слѣдуетъ указывать здѣсь на рабство, существовавшее въ древнемъ мірѣ. Оно устраняло, разумѣется, отъ участія въ политической жизни большую часть населенія той или другой греческой территоріи. Но и въ новыхъ государствахъ Европы едва-ли менѣе значительная часть населенія такъ или иначе тоже устраняется совершенно отъ этого участія. По строгому понятію древнихъ, эти устраняемые люди тоже не суть граждане, какъ и рабы древнаго міра. Если приложить Аристотелево опредѣленіе гражданина къ новымъ государствамъ, то гражданами въ нихъ будутъ только тѣ лица, которыя принадлежатъ къ избирательному классу. Сравненіе должно, слѣдовательно, брать съ одной стороны совокупность членовъ аѳинскаго вѣча и съ другой стороны совокупность избирателей въ конституціонномъ государствѣ. И при этомъ правильномъ сравненіи полная выгода будетъ на сторонѣ маленькихъ республикъ греческихъ. Членъ демократическаго вѣча, стоя по своему развитію безконечно выше общаго уровня избирателей, равняется, вообще говоря, члену какого угодно представительнаго собранія. Многія тысячи изъ среды полумилліоннаго населенія могли постоянно вращаться въ сферѣ тѣхъ интересовъ и вопросовъ, которые въ новыхъ государствахъ поручаются только немногимъ сотнямъ людей избранныхъ, избранныхъ изъ среды многихъ милліоновъ. Самыя аристократическія государства древности съ этой точки зрѣнія представляютъ все-таки большое преимущество предъ какою угодно всеобщей подачей голосовъ.

Но не менѣе очевидны и велики вредныя стороны политическаго обособленія, господствовавшаго въ Греціи.

Народы не размѣщены на земномъ шарѣ уединенно и раздѣльно, и неизвѣстно, какъ стали бы они развиваться, если бы были размѣщены такимъ образомъ. Столкновенія между ними неизбѣжны. Для

grossière aux mille journaux qui sillonnent les secondes et au peuple éclairé qui les habite и т. д. (Démocr. en Amérique 11 стр. 237). Народъ, который умѣлъ понимать и цѣнить Эхила, Софокла, Перикла, Аристофана — populace grossière! И это потому, что у него не было газетъ, какъ будто частыя вѣча не замѣняли всякую журналистику, не распространяли интереса къ общимъ дѣламъ несравненно живѣе и глубже.

каждаго народа наступаютъ времена, когда онъ долженъ вести борьбу за свое существованіе, за свою свободу. Три раза должны были бороться Греки за независимость и свободу всей Греціи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ они не умѣли и не могли забыть свои частныя раздоры — города къ городу, племени къ племени. Не отдѣльные только люди, но цѣлыя общины дѣйствовали прямымъ и непосредственнымъ образомъ заодно съ общимъ врагомъ къ порабощенію своего отечества. Самостоятельность греческаго или (въ то время это значило одно и то же) свободнаго европейскаго развитія въ отношеніи къ азіатскому востоку была спасена исключительно геройскимъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ одного города. Взаимное соперничество и недобвѣрчивость отдѣльныхъ государствъ Греціи едва не погубили всей Греціи. Когда потомъ на сѣверѣ Эллады стала развиваться грозная сила полу-эллинской Македоніи, сами Греки разрушили оплотъ, который бы могъ остановить ее, сами заранѣе произнесли приговоръ своей независимости (исторія Олинѳа). Сила выросла, и только повое напряженіе патріотизма могло спасти Грецію. Нельзя считать ни удовлетворительнымъ, ни правильнымъ такое положеніе, когда безопасность и существованіе зависятъ только отъ крайнихъ напряженій. Кромѣ того на этотъ разъ остается неизвѣстнымъ, могла ли раздѣленная и несогласная Греція быть спасена одушевленіемъ одного аѳинскаго патріотизма, если бы даже оно поднялось на высоту Марѳона и Саламина. Не научилась Греція забывать свои домашніе счѣты передъ общею опасностію и къ тому времени, когда вѣще голоса стали указывать на „облако, поднимающееся съ запада“¹⁾, на римскіе легіоны, готовые перейти въ Грецію. Напротивъ она сдѣлала все, что было можно для ускоренія рѣшеній „судьбы“.

Кромѣ слабости вѣшной, двѣ большія невыгоды, лучше сказать, два большія бѣдствія неизбѣжно сопровождаютъ систему отдѣльныхъ самостоятельныхъ республикъ въ одной и той же странѣ.

Это, во первыхъ, непрерывность въ ней войны. Когда каждый городъ совершенно независимъ и верховенъ, множество столкновеній и ссоръ, которыя въ большой монархіи или федеративной республикѣ разрѣшаются мирнымъ судомъ высшаго и общаго трибунала, не могутъ быть рѣшены иначе, какъ обращеніемъ къ суду оружія. Тысяча причинъ, начиная съ торговаго соперничества и взаимныхъ обидъ между частными гражданами, всегда существуютъ здѣсь для войны

¹⁾ Polyb. V. 104.

и кровопролитія и обнаруживаются тѣмъ съ большою силой, чѣмъ меньше и уже сцена, на которой они дѣйствуютъ. Враждебная нація для всѣхъ жителей большаго государства новыхъ временъ, кромѣ пограничныхъ сосѣдей ея, есть врагъ извѣстный только по слуху. Другое отношеніе было въ Греціи. Соперникъ живетъ здѣсь въ виду городскихъ воротъ, есть врагъ, присутствіе котораго постоянно, живо и горько чувствуется ¹⁾. Въ древней Греціи ненависть между городомъ и городомъ возрастаетъ, повидимому, въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ ихъ разстоянію. Спарта и Аѣны были почти всегда соперниками и врагами. Но предложеніе срыть до основанія покоренныя Аѣны сдѣлано сосѣдними Фивами и Коринѣомъ, а отвергнуто болѣе отдаленною Спартой. Въ Віогіи Александръ предоставилъ рѣшеніе судьбы Фивъ своимъ греческимъ союзникамъ, и мечь Платэи и Орхomena, ближайшихъ сосѣдей Фивскихъ, а не Македоніи, сравняла городъ съ землею. Самыя войны, такъ какъ онѣ ведутся, безъ всякой метафоры, за домъ, за женъ и дѣтей,

Παῖδας, γυναῖκας, θεῶν τε πατρῶων ἕδη
 Θήλας τε προγόνων....

отличаются жестокостію, говори вообще, не меньшею, но едва-ли не большею, чѣмъ войны современныя.

Вовторыхъ, война внутренняя, борьба социальныхъ партій отличается въ небольшихъ республикахъ особенною раздражительностію и непримиримостію. Великіе и глубокіе знатоки древности, съ симпатіей относящіеся къ ея исторіи, указали на эту черту. Съ изумленіемъ должны мы остановиться предъ такимъ страшнымъ фактомъ, какъ та

¹⁾ Вотъ что говоритъ одинъ ученый путешественникъ: «На такихъ мѣстахъ, какъ вершина Акро-Коринѣа (откуда въ ясную погоду видны Аѣны съ Акро-полемъ и его храмами), вдругъ дѣлается яснымъ многое, что едва-ли можно понять изъ однихъ книгъ. Греческія государства, управляемыя противорѣчащими интересами, лежали такъ близко другъ къ другу, что смертельная вражда между ними, совершенно необъяснимая изъ однихъ племенныхъ противоположностей, является естественнымъ слѣдствіемъ отношеній; дѣло шло о вопросахъ жизни и существованія. Какія чувства должны были пробуждаться въ богатомъ Коринѣскомъ купцѣ, когда онъ съ своего кремля видѣлъ на его счетъ, во вредъ ему развивающія приморскія Аѣны (Пирей), когда онъ, можетъ-быть, смотрѣлъ на военный флотъ, выходящій изъ гавани, чтобы плыть кругомъ Пелопоннеса и запереть сообщеніе съ моремъ нѣкогда властвовавшему на моряхъ Коринѣю! Я здѣсь понимаю, почему Коринѣяне послѣ Пелопоннесской войны требовали разрушенія Аѣнъ». W. Vischer, Erinnerungen aus Griechenland стр. 262.

знаменитая клятва, которая въ нѣкоторыхъ государствахъ Греціи требовалась отъ каждаго олигарха. „Я буду питать ненависть къ народу и сколько возможно придумывать противъ него всякое зло“. Тому, кто привыкъ въ „мягкимъ и доброжелательнымъ отношеніямъ въ монархіяхъ“ новаго времени, такой отвратительный фактъ можетъ показаться невозможнымъ. Но о немъ говоритъ Аристотель. И въ исторіи новыхъ республикъ найдутся черты, обнаруживающія тотъ же самый духъ. Этотъ духъ сдѣлалъ въ прежнихъ рабовладѣльческихъ штатахъ Америки обученіе цвѣтныхъ уголовнымъ преступленіемъ; этотъ духъ внушилъ Флоренціи тѣ тиранства, которыя превратили нѣкогда въ пустыню городъ Пизу ¹⁾). Виднелъ бы длинный и кровавый списокъ, если бы мы захотѣли приводить примѣры того ожесточенія, которымъ сопровождалась борьба между богатыми и неимущими классами въ греческихъ общинахъ. Справедливость требуетъ сдѣлать только два замѣчанія. Нужно, во первыхъ, сдѣлать исключеніе въ пользу афинской демократіи, которая никогда не доходила до крайностей аргосскаго скитализма. Нужно потомъ сказать, что въ крайностяхъ и жестокостяхъ повинны одинаково и олигархія, и демократія. Кровопролитныя сцены на островѣ Керкиръ падаютъ на демократическую партію. Оставивъ крайности, которыя составляютъ исключеніе, мы все-таки должны будемъ признаться, что опытъ древней Греціи, средневѣковой Италіи, новыхъ республикъ, подобныхъ Женевѣ, нашего древняго Новгорода, достаточно свидѣтельствуетъ о малой способности необходимыхъ и неизбѣжныхъ партій уживаться мирно на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ. Нужно, чтобы было что-нибудь въ срединѣ между „лучшими“ и „черными“ людьми, или нужно, чтобы сцена, на которой дѣйствуютъ эти противоположности, была шире.

Таковы въ главныхъ чертахъ выгоды и неудобства формы, господствовавшей въ политическомъ быту Греціи. Пышный блескъ, изумительная многосторонность греческаго развитія, его глубокое и широкое разлитіе въ народныя массы — находятся въ связи съ существованіемъ многихъ центровъ государственной жизни и съ происходящею отсюда возможностью непосредственнаго участія всѣхъ гражданъ въ общихъ дѣлахъ своей родины. Но какъ юноша, который слишкомъ быстро тратитъ свои молодые силы, щедро разбрасывая ихъ во всѣ стороны, возбуждаетъ въ насъ опасеніе за свою будущ-

¹⁾ Niebuhr R. G. II, p. 337 (520 по изданію 1853 года въ одномъ томѣ). Клятва у Аристотеля Polit. V, 7. (9), 19.

ность, такъ лихорадочная жизнь Эллады мало ручалась за прочность и долговѣчность ея развитія.

Нельзя сказать, чтобы на ряду съ стремленіями партикуляризма не существовало въ Греціи противоположнаго теченія. Черезъ всю греческую исторію идутъ попытки къ большому соединенію и централизациі разсѣянныхъ членовъ націи. Но это движеніе должно было встрѣтить сильныя преграды. Одинъ путь къ желанной цѣли былъ уже совершенно закрытъ для Грековъ и закрытъ очень рано. Именами Калегинговъ, Пантагенетовъ и московскихъ Рюриковичей, Гогендоллерновъ и Романовыхъ исторія ясно говоритъ, что идея національнаго объединенія всего скорѣе находитъ себѣ сознаніе и исполненіе въ высокихъ сферахъ монархической власти. Въ исторіи самой Греціи есть указанія на это. Образованіе самаго сильнаго и относительно самаго обширнаго государства греческаго совершилось въ монархическій періодъ. Аттика, по свидѣтельству преданія, вѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, въ древнее время состояла изъ двѣнадцати отдѣльныхъ государствъ. Тезей соединилъ ихъ въ одно аѣинское государство, и это сліяніе всей Аттики, превращеніе ея въ Аѣины было главною причиною величія аѣинскаго. Сомнительно, чтобы эта задача могла быть исполнена съ такимъ рѣшительнымъ и безвозвратнымъ успѣхомъ, еслибъ ее пришлось совершать въ періодъ республиканской свободы. Та же самая задача, только позднѣе, представлялась малоазіатскимъ Грекамъ; но совѣтъ мудраго Талеса остался напраснымъ: маленькія республики не захотѣли разстаться съ своею отдѣльною свободой. Положеніе Фивъ въ Віотіи было то же самое, что положеніе Аѣинъ въ Аттікѣ, и Фивы стремились достигнуть того же, что было сдѣлано Тезеемъ; но въ періодъ республиканскихъ общинъ это было уже гораздо труднѣе. У Грека уже успѣла развиться страстная привязанность къ автономіи и независимости своей маленькой родины. Каждая политія, разъ испытывъ прелесть самостоятельнаго историческаго существованія, притомъ такого живаго, песселаго и бодрого существованія, каково эллинское, не захочетъ уже разстаться съ нимъ. Предъ этимъ страстнымъ чувствомъ должны были пасть и разбиться даже самыя мягкія попытки объединенія, всего болѣе щадившія свободу и всего менѣе отнимавшія частную самостоятельность. Новый историкъ, который имѣетъ предъ глазами все теченіе греческой исторіи и яснѣе представляетъ себѣ ея темныя стороны, будетъ, разумѣется, болѣе, чѣмъ сами Греки, сочувствовать попыткамъ въ пользу единства цѣлаго, для сохраненія независимости.

силы и значенія націи. Но и онъ останавливается предъ высокими и свѣтлыми сторонами греческой жизни, тѣсно связанными съ любимой политической формой Эллина, и невольно желаетъ, чтобы эти попытки, устраняя какъ можно больше зла, какъ можно менѣе вредили хорошимъ сторонамъ.

Задача греческой исторіи состояла въ томъ, чтобы найти такое политическое устройство, которое бы примиряло вполнѣ самостоятельность частей съ единствомъ цѣлаго или по крайней мѣрѣ съ болѣе крѣпкою связью между нѣкоторыми изъ его отдѣловъ. Несчастіе греческой исторіи состояло въ томъ, что до самаго послѣдняго времени она, не смотря на всѣ поиски, не могла найти такой формы политическаго устройства.

Прослѣдимъ съ этой точки зрѣнія послѣдовательный рядъ попытокъ къ объединенію, которыя Греція дѣлала въ видѣ такъ-называемыхъ симмахій (военныхъ союзовъ), симполитій (гражданскихъ союзовъ) и наконецъ, въ формѣ федераціи.

Благодаря своей сильной и суровой военной организаціи, Спарта ранѣе другихъ греческихъ политій обнаружила стремленіе къ преобладанію сначала въ Пелопоннисѣ, потомъ и во всей Греціи. Путемъ завоеваній достигла она степени самаго могущественнаго государства на полуостровѣ, уже въ VI столѣтіи владѣя двумя изъ пяти частей его. Упорное сопротивленіе, встрѣченное ею на пути дальнѣйшаго расширенія, заставило ее измѣнить политику. Спарта стала искать господства посредствомъ благоразумныхъ политическихъ союзовъ¹⁾. Союзъ слабого съ сильнымъ, если имъ умѣютъ хорошо пользоваться, есть часто только болѣе мягкая форма господства послѣдняго надъ первымъ. Что другое могли значить такіе договоры, какъ, напримѣръ, договоръ Спарты съ Тегеей, по которому Тегеаты обязывались не преслѣдовать кого бы то ни было изъ своихъ согражданъ за приверженность къ Спартѣ, за лаконизмъ? Два обстоятельства помогли Спартѣ достигнуть своей цѣли: съ одной стороны, антипатія и зависть сѣверо-восточныхъ городовъ Пелопонниса къ Аргосу, стремившемуся также къ преобладанію; съ другой — поддержка и защита дорійскихъ аристократій, интересы которыхъ были нарушены возникновеніемъ демократической тирадніи. Предъ Персидскими войнами Спарта стояла во главѣ союза, который простирался почти на весь Пелопоннисъ и отчасти за его предѣлы. Сообразно своему названію (симмахія) союзъ

¹⁾ См. *Dunker IV* стр. 422 и сл.

имѣлъ въ виду собственно единство общей защиты и наступательныхъ дѣйствій противъ внѣшнихъ враговъ, общее веденіе войны подѣ верховнымъ предводительствомъ (игемоніей) Спарты. Къ общимъ дѣламъ принадлежали именно военныя предпріятія, заключеніе мира и договоровъ ¹⁾. Для рѣшенія такихъ дѣлъ собирались союзные сходы большею частію въ предводительствующемъ городѣ, иногда и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Олимпіи. Каждое государство присылало своихъ пословъ: всѣ они имѣли равный голосъ, и рѣшеніе большинства обязывало остальныхъ — съ очень, впрочемъ, эластичною оговоркой: если не будетъ пренятствій со стороны боговъ и героевъ ²⁾ къ исполненію рѣшенія. Бывали случаи, что Спарта вызывала союзниковъ къ походу и войнѣ безъ предварительныхъ совѣщаній съ ними, и не смотря на то союзники повиновались, хотя при этомъ всегда была опасность, что они оставятъ общее дѣло во время похода, если имъ покажется, что война начата несправедливо ³⁾. Но если какое государство не хотѣло участвовать въ войнѣ, рѣшенной сообща союзниками, то Спарта имѣла право наложить на него денежный штрафъ, о чемъ иногда упоминалось въ самомъ опредѣленіи союзномъ, рѣшившемъ войну ⁴⁾. Безъ согласія же предводительствующаго города общая война не могла быть рѣшена. Спарта при этомъ не была обязана повиноваться большинству или даже всеобщей волѣ союзниковъ ⁵⁾, хотя, съ другой стороны, имъ не запрещалось вести войну на свой страхъ. Сама Спарта одна или съ тѣмъ и другимъ союзнымъ государствомъ часто вела войны, которыя не были рѣшены большинствомъ. Вообще нужно сказать, что полною ясностію, опредѣлительностію и общою справедливостію союзныя отношенія вовсе не отличались. Едва-ли можно предполагать, чтобы самыя тяжести, налагаемыя союзомъ, были распределены справедливо. Количество войска и кораблей и количество денежныхъ суммъ, что также иногда требовалось, зависѣли не отъ какихъ-либо нормальныхъ опредѣленій, а отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ договоровъ, заключенныхъ со Спартою каждымъ государствомъ отдѣльно при поступленіи въ союзъ. Отъ усмотрѣнія Спарты зависѣло призвать, въ случаѣ надобности, весь контингентъ или часть

¹⁾ Thucyd. I, 67. Xenoph. Hellen. II. 2, 19. V. 2, 11, 20, 21. VI. 3, 3. Ср. Schömann. Griech. Alterth. II стр. 87 в слѣд.

²⁾ Thucyd. V. 30.

³⁾ Herodot V. 74. Thucyd. V. 54.

⁴⁾ Xenoph. Hellen. V. 2, 22.

⁵⁾ Thucyd. I, 67 в слѣд.